

Юрий ТОМАШЕВСКИЙ

Когда о ком-то говорят — возвратился, вернулся, значит, человек уходил, был в отлучке. Зощенко никуда не уходил и не отлучался. Его отлучили. От литературы, от многомиллионных читательских масс. За что? За какие грехи?

Был грех: Зощенко имел несчастье родиться сатириком...

Сатирикам везде и во все времена жить было куда как опасней, нежели представителям иных литературных профессий. Ювенал закончил свое земное шествие в ссылке. Всю жизнь подвергавшийся гонениям, Свифт только потому избежал ареста, что днем и ночью народ охранял от властей своего любимца. О Гоголе кричали с пеной у рта, что ему «надо запретить писать», что он «враг России», а когда он умер, одна из газет напечатала: «Да, Гоголь всех смешил! Жалко! Употребить всю жизнь, и такую краткую, на то, чтобы служить обезьяной публике».

Каждый, кто вступает на сатирическое поприще, знает, что современники обижаются на своего сатирика, не понимают или не хотят понять причину и цель его смеха. Люди все могут простить, но только не смех над собой.

А ведь сатирик и в мыслях не держит — смеяться над людьми!

Просто зрение его устроено так, что он видит прежде всего прискорбные явления жизни. Собирая их вместе, он создает некий отрицательный мир, который и подвергает сатирическому воздействию: смехотворная несообразность этого мира и его устоев должна, как ему кажется, оттолкнуть от него современников, и они яснее почувствуют и поймут, что мешает им жить, мешает быть чище и красивее.

Так думает сатирик. Именно здесь причина и цель его смеха. Не злорадное потирание рук при виде подмеченных в жизни всякого рода нелепостей гонит его к столу, а любовь и боль. Любовь к людям, боль за несовершенство их жизни.

Именно таким человеком и был Зощенко.

В 1928 году в «энциклопедии» сатирического журнала «Бегемот» («Бегемотнике») Зощенко напечатал автобиографию. Там было сказано:

«Я не знаю, где я родился. Или в Полтаве, или в Петербурге. В одном документе сказано так, в другом — этак. По-видимому, один из документов — «липа». Который из них липа, угадать трудно, оба сделаны плохо».

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вроде бы это шутка. Но вернул ее Зощенко неспроста. Не для того, чтобы выудить из читателя очередную «порцию смеха». В упоминании Полтавы, как возможного места своего рождения, видел молодой Зощенко для всех пока еще тайный, но для него самого представлявшийся уже явным великий и роковой смысл... Когда кто-то из горячих его поклонников, желая сделать ему приятно, сказал однажды в застольной беседе: «Аверченки у нас нет. Но есть Зощенко, который достойно заменил его», — Михаил Михайлович вышел из-за стола и хлопнул дверью. Когда Федин, опять же намереваясь доставить Зощенко удовольствие, сравнил его с Горбуновым, Михаил Михайлович только и вымолвил «да», а многие годы спустя припомнил Федину его «бестактность». Когда дружественная ему критика, отыскивая в истории литературы питающие его корни, в качестве «душеприказчика» называла Лескова, Зощенко и тут выказал все признаки самого раздраженного недовольства, не видя даже внешней, формальной схожести в этом сравнении...

Но все же был в русской литературе человек, сравнение с которым Зощенко никогда бы не покорило. Близ Полтавы родился он, в Полтавском уездном училище обучался, в одном классе науки постигал — с кем бы вы думали? — с Андреем Зощенко. Андрей — старший брат деда, двоюродный дед. С самим Гоголем два года подряд под одним потолком сидел!

Не будем спешить делать выводы. Зощенко не равнял себя с Гоголем. Он видел лишь общность взглядов на назначение литературы, близость художественной задачи и — в частых случаях — тот же

способ ее разрешения: сатирический. А потому уже в молодые годы подозревал будущую схожесть судьбы.

И не ошибся. Как и Гоголь, он пускается во все тяжкие, ограждая, защищая себя и свое призвание от наскоков критики. Как и Гоголь, сломленный стойким нежеланием окружающих признать необходимость очистительного смеха над самими собой, он начинает тяготиться своей литературно-общественной ролью и, практически покончив с сатирой, обращается к поучительству, к назиданиям, к нравственным проповедям. Как и Гоголь, чем ближе к закату жизни, тем все больше мучается он от болезни, исток которой, конечно же, общий для них обоих: «вредность профессии».

Но на рубеже 20—30-х годов литературные дела у Зощенко обстояли вполне благополучно. Журналы дрались за право печатать его рассказы, книги выходили одна за другой, и даже появилась монография о его творчестве. Он один из самых знаменитых в новой России писателей!

И вот, отдавая должное такому прекрасному настоящему и переполненный верой в еще более прекрасное будущее, в очередной автобиографии Зощенко никак не упоминает Полтаву, а твердой рукой выводит: «Я родился в Ленинграде (в Петербурге)».

Конечно же — в Ленинграде! Ведь именно в Ленинграде родилось новое отношение к людям его профессии... Вы уж простите, Николай Васильевич, что не придется разделить вашу участь!

А в 1953 году, пережив великое надругательство над своим именем, униженный и опозоренный, Зощенко будет составлять последнюю в своей жизни автобиографию. Не нужно быть провидцем, чтобы

угадать, какой город будет назван им как место рождения: Полтава.

Нет, Зощенко не равнял себя с Гоголем. Он сравнивал с его судьбой свою...

Зощенко пришел в литературу на переломе эпох. Старый мир еще не был разрушен, новый — только закладывал первые кирпичи в свой фундамент. Прежде чем сесть, как говорится, за писательский стол, Зощенко успел пройти две войны, перепробовать более десяти «мирных» профессий, исходить в скитаниях по стране сотни дорог и понять, что строительство нового будет трудным и долгим: груз прошлого с его вековыми устоями быта, привычками и представлениями — что хорошо, что плохо, не год и не два будут тяжело давить на людей, сопротивляясь скорым в них переменам.

Времена меняются быстрее и легче, чем люди. Зощенко (как, впрочем, и все остальные жители новой России) не знал, каким оно будет — новое время. Но каким оно быть не должно — знал. Это знание и определило, по сути дела, его профессию.

Годы, проведенные в гуще людей, не прошли для Зощенко даром. Подслушанная в солдатских окопах, а позже на базарных площадях, в трамваях, банях, пивных, на кухнях коммунальных квартир живая народная речь стала речью его литературы, тем самым языком, на котором говорил, думал, а теперь еще и читал своего писателя новый читатель. Зощенко сумел научиться писать для читателя, который существовал реально, — для широких масс, духовно обогранных, обездоленных в социальных условиях прошлой жизни. И это было не просто крупным литературным достижением Зощенко. Это был гражданский подвиг русского интеллигента, чей «врожденный не-

дуг» — большая совесть — властно повелел отдать свой дар на пожизненное служение поднимающемуся из бескультурья народу. Введенная в художественное русло народная языковая стихия не только привлекла к чтению необозримое число новых читателей — она открыла для литературы доселе совершенно ей неизвестный социальный персонаж и тем самым обратила внимание общественности на его жизнь: до жалости мелкую, никчемную и пустяковую, с точки зрения высокого духа, но ведь и такая — она тоже человеческая жизнь!

«Человека жалко» — есть у Зощенко такой рассказ. Эти два слова можно поставить эпиграфом ко всему тому, что он написал. Он как бы посмеивался над кажущейся ничтожностью забот и переживаний своего незадачливого героя. Но горек был этот смех. В обыденной жизни нет ничего ничтожного — все нужно, все важно. И об этом должны поминутно помнить те, от кого зависит простая жизнь простого человека. Помогите человеку!..

Природу и направленность зощенковской сатиры быстро поняли и оценили многие (и очень разные) люди: Ремизов и Воронский, Замятин и Маяковский, Есенин и Мандельштам, а Горький, с первых рассказов Зощенко восхищавшийся его искусством пользоваться «мелким бисером» освоенного им «лексикона», подчеркивал, что его творчество несет в себе высокой заряд «социальной педагогики».

Однако благородную суть дерзаний Зощенко было дано уразуметь далеко не всем. Все смеялись, читая его рассказы и повести, но далеко не все считали необходимым выразить свое удовлетворение присутствием в литературе этого всеми читаемого писателя. Кстати, это присутствие критикой поначалу вообще как бы не замечалось. Она (по словам самого Зощенко) не вставляла его даже «в списки заурядных писателей» — так, юморист, развлекатель почтеннейшей публики. Но, распознав в нем сатирика и забываясь признать в зощенковском герое обыкновенного человека, имя которому миллионы, критика поторопилась, так сказать, упростить положение и всю серьезность поставленных Зощенко проблем свела к примитивному разговору о мещанине и обывателе.

Герой Зощенко — обыватель. Эта «формула» стала гулять из статьи в статью, притом утверждалось, что Зощенко нарочито трагедизирует опасность — высмеиваемые им герои в реальной действительности практически не существуют, ибо новое общество лишено почвы для процветания тех многочисленных нелепостей и уродств социальной жизни, которые имели место в навсегда ушедшем «проклятом прошлом». А если это так, то Зощенко — в лучшем случае — стреляет из пушки по воробьям и является тем самым «ископаемым» обывателем и мещанином, от лица которого он пишет свои «злостные пасквили». Одна из статей называлась «Обывательский набат». Не дав себе труда отделить автора от воображаемого рассказчика, критик обозвал Зощенко «перепуганным обывателем», «который с некоторым злорадством копаются, переворачивает человеческие отбросы и, зло посмеявшись, набрасывает мрачнейшие узоры своего своеобразного зощенковского фольклора».

Эта статья была как сигнал к атаке. Словно толпа на Котофеева, раскачавшего набат в зощенковской повести «Страшная ночь», бросилась критика на писателя: «Крой его, робя! Хватай! Здесь. Сюдый, браты! Сюды загоняй!.. Крой...»

Зощенко писал в эту пору М. Слонимскому: «Чертовски ругают... Невозможно объяснить. Я только сейчас соображаю, за что меня (последний год) ругают — за мещанство! Покрываю и люблюсь мещанством! Эва, дела какие! Черт поberi, ну как разьяснить? Тему путают с автором... В общем, худо, Мишечка! Не забавно. Орут. Орут. Стыдят в чем-то. Чувствуешь себя бандитом и жуликом...»

Несмотря на все возрастающую признательность, доверие и любовь масс к своему писателю, нормативная критика будет стараться посеять раздор в их (писателя и читателя) отношениях, будет зло и несправедливо продолжать приписывать Зощенко обывательский взгляд на вещи и вообще все «грехи» его наивно взыскующих правды и сострадания «рассказчиков-выдвиженцев». И будет спрашивать: «Чей писатель — Михаил Зощенко?»

О повести «Возвращенная молодость» (1933) будет сказано, что присутствующие в ней «идеалистические вывихи» — продукт «неверной идейной базы». Про «Голубую книгу» (1935) будет написано, что «зощенковский рассказчик... умудряется до последней степени ополщить весьма значительные темы и предметы», о которых в свое время писали «Маркс, Энгельс... и другие выдающиеся люди». Публикация повести «Перед восходом солнца» (1943) будет прервана, и в статье, объясняющей причину, по которой дальнейшее ее напечатание решено запретить, будет объявлено, что Зощенко написал произведение, «проникнутое презрением автора к людям», что он «тряпичником бродит... по человеческим помойкам, выискивая, что похуже», «клевета на наш народ, извращая его быт, смакуя сцены, вызывающие глубокое омерзение». И наконец: Зощенко написал «галиматью, нужную лишь врагам нашей Родины».

Нет, как мы видим, Зощенко пока еще не «враг России», каковым когда-то был назван Гоголь. Просто сам того как бы не осознавая, он пока, дескать, лишь дует на мельницу врага. Но, судя по всему, вот-вот додуется...

И вот — август 1946 года. Опубликованный в журнале «Мурзилка» очень смешной, а главное, совершенно невинный детский рассказ «Приключения обезьяны», переизданный затем в трех книгах и уже после напечатанный журналом «Звезда» (кстати, без ведома автора), становится вдруг криминальным, а вместе с ним криминальным становится и все творчество Зощенко.

Опаленный невиданной в истории русской литературы славой писателя, которого знали все — от вчерашнего либеговца до академика, и не уронивший эту славу на протяжении двух десятилетий, в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и в одноименном докладе Жданова, Зощенко будет заклеен как «пошляк», «хулиган» и «подносок литературы», «глумящийся над советскими людьми». Его изгнаны из Союза писателей, и его имя, заполучив статус бранного слова, выпадет из литературного обихода. Многие думали, что он сам тоже «выпал» из жизни. Но он прожил еще двенадцать мучительных лет.

Как-то, размышляя о Гоголе и его судьбе, Зощенко занес в свою записную книжку: «Гоголь ожидал, что его не поймут. Но то, что случилось, превзошло все его ожидания».

Эту запись можно вполне отнести и к самому Зощенко.

Есть писатели, со смертью которых умирает и то, что они написали. Книги таких писателей, случается, сегодня тоже переиздают. Но это не возвращение. Это как бы необходимость: заполняется пустующая строчка в истории литературы и попутно отдается дань памяти тем, чей труд на литературной ниве был не силен, но усерден и честен.

Зощенко именно возвратился. Он не мог не возвратиться. Потому что Зощенко — не музейный писатель, написанное им — не для архивных полок. Время, отображенное в его книгах, ушло в историю, но его герой — человек — не ушел. Не ушли те заботы, хлопоты и волнения, что терзали людей в годы живого присутствия Зощенко в литературе...

Зощенко видел далеко. И потому будущее его книг — далеко. Как жили до наших дней и будут жить еще долго Чичиковы и Хлестаковы, так сегодня живет полной жизнью, без каких-либо признаков усталости и постарения, с виду смешной и несчастный, но тронь его — злобный, безжалостный, беспардонный «зощенковский герой». Конечно, сознавать это грустно.

Но ничего не поделаешь. Человек — организация сложная. Он по природе своей наиболее консервативен из всех одушевленных и неодушевленных предметов, обитающих на земле. С этим необходимо считаться, терпеть и не пороть горячку. И уж, во всяком случае, не спешить обвинять писателей, которые видят человека и окружающую его жизнь не такими, как кому-то хотелось бы. Не спешить обвинять их в клевете, очернительстве, в не любви к своему народу и прочих смертных грехах.

Запретить печатать писателя можно. Но можно ли запретить ту жизнь, которая есть и о которой он пишет?